

Содержание

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ	2
БХАКТА ОТРЕКАЕТСЯ ИЗ ЛЮБВИ	4
ЕСТЕСТВЕННОСТЬ БХАКТИ-ЙОГИ И ГЛАВНЫЙ ЕЕ СЕКРЕТ	6
ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБВИ	7
ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ ВЕДЕТ К САМООТРЕЧЕНИЮ	8
ВЫСШЕЕ ЗНАНИЕ И ВЫСШАЯ ЛЮБОВЬ ЕДИНЫ ДЛЯ ПОДЛИННО ЛЮБЯЩЕГО	10
ТРЕУГОЛЬНИК ЛЮБВИ	11
БОГ ЛЮБВИ САМ ДОКАЗЫВАЕТ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ	13
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ ЛЮБВИ	14
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	16

Свами Вивекананда

ПАРА-БХАКТИ, ИЛИ НАИВЫСШАЯ ПРЕДАННОСТЬ

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

Мы закончили рассмотрение того, что может считаться подготовкой к *бхакти*, и приступаем к изучению *пара-бхакти*, наивысшей преданности. Начнем с приготовлений к *пара-бхакти*, все они предназначены для очищения души. Повторение имен Бога, ритуалы, формы, символы — все только для очищения души. И самое великое очищающее средство, без которого невозможно даже приблизиться к высшей преданности, — это самоотречение. Многих оно страшит, но без него невозможен духовный рост. Никакая *йога* невозможна без отречения. Это — и начало, и подлинный центр, и само сердце всей религиозной культуры: отречение. Это и есть религия — отречение.

Свами Вивекананда

Когда человеческая душа, отпрянув от мирского, пытается заглянуть в глубины; когда человек как конкретизировавшийся и материализовавшийся дух осознает, что в силу этого его ждет распад и почти полное превращение в материю, просто в материю, и он отворачивается от материи, тогда начинается отречение, тогда начинается настоящее духовное возрастание.

Для того, кто следует путем *карма-йоги*, отречение принимает форму отказа от плода его трудов, он ничего к ним не испытывает, его не заботит награда ни в этом мире, ни в загробном.

Тот, кто следует путем *раджа-йоги*, знает, что вся природа предназначена для того, чтобы душа приобретала опыт и на его основе познавала свою извечную отличность от природы. Человеческая душа должна понять и осознать, что она вечно была духом, а не материей, что ее соединение с материей есть — и единственно может быть — ограниченным во времени. Тот, кто следует этим путем, учится отречению через собственное познание природы.

Труднее всего отречение того, кто следует путем *джняна-йоги*, ибо ему предстоит с самого начала осознать, что столь реально выглядящая природа есть всего лишь иллюзия. Ему предстоит понять, что все в природе, являющееся проявлением энергии, относится не к природе, а к Душе. Он должен с самого начала знать, что все знание и весь опыт — в Душе, а не в природе, и ему надо просто силой умственной убежденности вырваться из подчинения

природе. Он отрывается от природы и всего с нею связанного, дает всему исчезнуть и пытается стоять на собственных ногах!

Наиболее, так сказать, естественно отречение для следующего путем *бхакти-йоги*. Здесь нет насилия, ни от чего не надо отказываться, ни из чего не надо вырывать себя, ни от чего не надо отделяться силой. *Бхакта* отрывается легко, спокойно и естественно. Подобное отречение мы наблюдаем постоянно вокруг себя, хотя и в более или менее окарикатуренной форме. Мужчина влюбился, но через некоторое время ему понравилась другая, и он отрывается сердцем от первой. Она уходит из его мыслей медленно и тихо, пока он вообще не перестает ощущать нужду в ней. Влюбилась женщина, а через некоторое время разлюбила, и первый, кого она любила, совершенно естественно покидает ее сердце. Человек любит свой город, потом начинает любить всю страну, и страстная привязанность к родному городку неприметно и естественно отходит в сторону. А потом он научается любить весь мир, и любовь к родине, страстный, фанатический патриотизм, безболезненно отступает, без усилий с его стороны. Человек низкой культуры любит чувственные удовольствия, по мере того как культура его повышается, его все больше привлекают интеллектуальные радости, чувственные же волнуют все меньше. Не дано человеку поедать пищу с таким удовольствием как собаке или волку, но собаке недоступны удовольствия от интеллектуальных упражнений. Вначале наслаждение доставляют самые низкие из чувственных радостей, но как только животное перемещается на более высокий уровень бытия, тяга к низменным радостям ослабевает. В человеческом обществе, чем ближе человек к животному, тем сильнее в нем тяга к чувственному наслаждению; чем тоньше и культурнее человек, тем больше удовольствия он получает от интеллектуальных занятий. Когда же он поднимается и над уровнем интеллекта, над уровнем мысли, и достигает сферы духовности и божественного

вдохновения, он испытывает блаженство, в сравнении с которым и наслаждение плоти, и радости интеллекта — ничто. Звезды тускнеют при ярком свете луны, а с восходом солнца меркнет луна. Отречение, необходимое, чтобы достичь *бхакти*, не требует ничего убивать в себе, потребность в нем наступает естественно, как при ярком свете меркнет менее яркий свет, пока не становится вовсе не виден, так любовь к Богу заставляет померкнуть все иные привязанности.

Любовь к Богу все возрастает и принимает форму *пара-бхакти*, наивысшей преданности Ему. Исчезают другие формы, ненужными становятся ритуалы, книги утрачивают значение, изображения богов, храмы, церкви, религии, секты, государства и национальности — все мелкие границы и привязанности сами по себе отступают в сторону для того, кто познал любовь к Богу. Его больше ничто не сковывает, ничто не ограничивает его свободу. Он будто корабль, который неожиданно приблизился к магнитной скале и лишился железных скреп, а освобожденные доски стали носиться по волнам. Божественная благодать освобождает душу от скреп, и она становится свободна. В отречении, дополняющем собою преданность, нет ни борений, ни подавления, ни жестокости, *Бхакте* незачем подавлять свои эмоции, он стремится лишь усилить их и обратить к Богу.

БХАКТА ОТРЕКАЕТСЯ ИЗ ЛЮБВИ

Повсюду в природе мы видим любовь. Все, что есть в обществе прекрасного, великого и возвышенного, есть проявление любви. Все дурное, даже сатанинское, есть тоже проявление любви, но порочное по своей направленности. То же чувство, которое дарует супругам чистую и святую брачную любовь, заставляет искать и низменного удовольствия, и удовлетворения плотских желаний. Чувство одно, но проявления его различны. Одно и то же чувство, любовь, может быть направлено на добро и во зло, понуждая одного творить добрые дела и раздавать неимущим все свое достояние, а другого — перерезать глотки ближним своим, отнимая у них последнее. В первом случае это любовь, обращенная к другим, а во втором — любовь, обращенная на себя. Тот же огонь, на котором мы готовим себе пищу, может сжечь ребенка, сам огонь в этом неповинен — все дело в том, как его использовать. Поэтому любовь, страстная тяга к сближению, сильное желание двоих слиться воедино, а может быть и желание всех слиться в одно, проявляется во всем, но форма проявления либо возвышенна, либо низменна.

Бхакти-йога — наука возвышенной любви. Она нас учит, как направлять любовь, как управлять любовью, как наполнять ее новым смыслом, достигая высочайших и блистательнейших результатов, как сделать любовь путем к духовному блаженству. *Бхакти-йога* не требует — откажись!, но учит — люби, люби возвышеннейше! И тот, кто любит возвышеннейше, естественным образом отказывается от низменного. «Я ничего не могу сказать о Тебе, кроме одного — Ты моя любовь! Ты прекрасен, о, как Ты прекрасен! Ты и есть красота»⁷⁰.

От нас требуется только одно — обратить на Бога наше влечение к прекрасному. В конце концов, что такое красота человеческого лица, небес, звезд или луны? Это лишь частичное восприятие всеобъемлющей божественной красоты. «Все сияет Его сиянием, Его светом сияет все сущее»⁷¹.

Идите же к высотам *бхакти*, где вы сразу забудете о мелкости своего «я». Отриньте от себя мелкие, себялюбивые заботы этого мира. Взгляните на феномены природы, как бесстрастные свидетели, как люди, ищущие только познания. Отрешитесь от личных привязанностей, и вы увидите, как действует в мире могучее чувство любви. Подчас этот процесс сопровождается трениями, напряженностью, но это только борьба за продвижение к высшему идеалу. Бывает, что человек устаёт от борьбы, бывают и срывы, но это преодолимо. Сделайте как бы шаг в сторону и спокойно наблюдайте за трениями и напряженностью, они ощущаются, лишь пока вы находитесь в гуще жизни, но едва только вы займете позицию стороннего наблюдателя, вы увидите миллионы путей, которыми Бог являет себя через любовь.

«В чем бы ни проявилось хоть мгновенное блаженство, пусть даже в самом чувственном, там есть искорка того вечного блаженства, которому имя Бог»⁷².

Даже в низменной влечении все равно есть начало божественной любви. На санскрите одно из имен Бога — Хари, что в переводе означает Тот, кто влечет к себе все сущее. Поистине, Бог есть единственный объект, достойный влечения человеческой души. Кто может по-настоящему привлечь к себе человеческую душу? Только Он! Разве можно представить себе, что душа тянется к неживому? Конечно нет, и неживое никогда не увлечет душу. Когда вы видите мужчину, увлеченного прелестным личиком, неужели вы думаете, что его влекут к себе определенным образом расположенные молекулы вещества? Конечно нет. За частицами вещества стоят божественные силы и божественная любовь. Человек в своем невежестве не знает этого, но сознательно или неосознанно он тянется к божественному, и только к нему. Поэтому даже в самых низменных формах влечения проявляется энергия самого Бога.

«Никто, о возлюбленная, никогда не любил супруга своего ради него самого, любовь обращена к *Атману*, к Богу в супруге»⁷³.

Понимают это любящие жены или нет, не имеет значения, ибо все равно это именно так. «Никто, о возлюбленный, не любил супругу ради нее самой, любимо же было в супруге высшее Я». Точно так же, не любят ни ребенка, ни кого иного на свете, в действительности любовь обращена к Богу, заключенному во всем, что живет. Бог подобен громадному магниту, мы же все — железным опилкам, нас постоянно влечет к Нему, и мы постоянно к Нему устремлены. Не себялюбивыми побуждениями продиктованы наши стремления в этом мире. Глупцы не ведают, что творят, ибо на самом деле труд их жизни направлен на приближение к великому магниту. Все великие борения и стремления жизни предназначены лишь для того, чтобы мы смогли к Нему приблизиться и в конечном счете слиться с Ним.

⁷⁰ Здесь и далее отрывки из текстов позднего бхакти.

⁷¹ Общее место во многих Упанишадах. Например, Шветашварата-упанишада, VI, 14.

⁷² Соотносится с Тайттирия-упанишадой, II, 7, 8.

⁷³ Примерный пересказ Брихадараньяка-упанишады, IV, 5, 1—7.

Идущий же путем *бхакти-йоги* знает смысл жизненных борений и понимает, к чему они направлены. Он уже победил во многих битвах, ему известно, что это такое, и он искренне стремится высвободиться из их напряженности, избежать дальнейших столкновений и устремиться прямо к главной точке всех притяжений, к великому Хари. В этом — отречение *бхакты*. Великое влечение к Богу затмевает для него привлекательность всего прочего. Могучая и беспредельная любовь, затопившая его сердце, не оставила места ни для какой другой любви. Да и как может быть по-иному? *Бхакти* переполнила его сердце божественными водами того океана любви, который и есть Бог, и нет в сердце больше места для мелких привязанностей. Иными словами, отречение *бхакты* и есть *вайрагья*, отрешенность от всего, что не есть Бог, рожденная *анурагой* — великой связью с Богом.

Это — идеальная подготовка для достижения наивысшей *бхакти*. Когда наступает потребность в отречении, распахиваются врата, через которые душа вступает в возвышенную сферу наивысшей преданности, *пара-бхакти*. Тогда нам открывается суть *пара-бхакти*; только человек, вступивший во внутренний храм *пара-бхакти*, имеет право сказать, что не нуждается ни в каких формах почитания, ни в каких ритуалах — его религиозной реализации опоры больше не нужны. Он достиг того высшего состояния любви, которое и называется в обиходе всечеловеческим братством. Все остальное — болтовня. Для *бхакты* же исчезли все различия — могучий океан любви заполняет его сердце, и он видит вокруг себя не отдельных людей, а Бога во всем. Каждое лицо светит ему светом его Возлюбленного, Хари, он обнаруживает Хари в свете солнца и луны, Хари сияет во всем, что прекрасно и что возвышенно. Такие *бхакты* и сейчас живут на свете, мир никогда не остается без них, без людей, которые, если ужалил их змея, способны увидеть в змее посланца от Возлюбленного. Такие люди есть, и только они имеют право говорить о всечеловеческом братстве. Они никогда не осуждают, они свободны от зависти и от ненависти, все внешнее, все чувственное навсегда перестало существовать для них. Как могут они гневаться, если их любовь помогает им постоянно видеть Подлинное за кажущимся?

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ БХАКТИ-ЙОГИ И ГЛАВНЫЙ ЕЕ СЕКРЕТ

Арджуна спрашивает Кришну: «Кто есть величайший *йог*: тот ли, кто сосредоточивает все свои помыслы на почитании Тебя, или тот, кто почитает всеобъемлющий Абсолют?»⁷⁴

И слышит в ответ:

«Кто сосредоточивает все помыслы на Мне, кто поклоняется Мне с неуклонным постоянством, кто наделен высочайшей верой, они — Мои лучшие почитатели, они величайшие *йоги*. Те же, кто почитает Абсолют неописуемый, лишенный различений, вездесущий, немислимый, всеохватывающий, неизменный и вечный через управление своими органами чувств, через убежденность в единстве всего сущего, они тоже, творя добро всему живому, приходят только ко Мне. Но тем, кто посвятил свой ум непроявившемуся Абсолюту, приходится преодолевать самые большие трудности в пути, ибо поистине труден путь к непроявившемуся Абсолюту для любого существа в плотской оболочке. Кто Мне посвятил все свои усилия, кто полностью отдался Мне, кто сосредоточен всеми помыслами на Мне и поклоняется только Мне, отрешившись от всего другого, — их Я скоро освобождаю из океана повторяющихся рождений и смертей, так как Я один присутствую в их душах»⁷⁴.

Здесь речь идет и о *джняна-йоге*, и о *бхакти-йоге*, можно сказать, что это и есть их определение. Величественна *джняна-йога* — высочайшая философия. Занятно, что почти каждый полагает, будто он способен быть последователем философии, хотя, на самом деле, по-настоящему жить этой философией чрезвычайно трудно. Пытаясь руководствоваться философскими принципами в жизни, мы можем легко оказаться в ловушке. Ведь мир условно делится на людей демонической природы, которые считают заботы о плоти единственным смыслом бытия, и на людей божественной природы, которые осознают, что тело есть не более чем средство для достижения цели, инструмент для совершенствования культуры души. Сатана и впрямь может в собственных целях толковать Священное писание и делает это: путь знания как будто оправдывает и поведение дурного человека, равно как и поощряет поведение человека доброго. Вот в чем большая опасность *джняна-йоги*. Что же касается *бхакти-йоги*, то ее путь естественен и плавен, следующий по этому пути не взлетает так высоко, как избравший путь *джняны*, потому и падение его менее страшно. Конечно, каким из путей ни двинулся бы религиозный человек, он все равно не освободится, пока не падут оковы с его души.

Вот пример того, как пали оковы добродетели и порока с души благословенной пастушки — *гопи*.

«Огромная радость от сосредоточения всех помыслов на Боге освободила ее из пут ее былых добрых дел. Мучительная боль души от невозможности слиться с Ним смыла с нее следы дурных деяний — и тогда она освободилась» («Вишну-пурана»).

Значит, главный секрет *бхакти-йоги* заключается в понимании того, что никакие страсти, чувства или эмоции человеческого сердца не порочны сами по себе, их просто надо тщательно контролировать и направлять на достижение все более высокой цели. Наивысшая цель есть та, что приводит нас к Богу. Мы знаем, что и радость, и страдание — обычные чувства, которые не оставляют нас на протяжении всей жизни. Но когда человек страдает от того, что он недостаточно богат, или от других мирских обстоятельств, он обращает свои чувства в неверном направлении. Ибо и страдание по-своему полезно. Пусть человек страдает от того, что не достигает Наивысшего, не достигает Бога, — это страдание приведет его к освобождению. Когда вы радуетесь пригоршне монет, вы не туда обращаете чувство радости, его следует обратить выше, оно должно служить достижению Наивысшего идеала. Последователь *бхакти* знает, что нет дурных чувств, он владеет всеми и обращает их к Богу.

⁷⁴ Здесь и далее: примерный пересказ Бхагаватгиты, XII, 1—7.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБВИ

Здесь мы перечислим некоторые из форм проявления любви. Прежде всего, это почтительность. Почему человек выказывает почтительность по отношению к храмам и святым местам? Потому что это места, связанные с Богом. Почему все народы выказывают почтительность по отношению к вероучителям? Это естественное движение человеческого сердца, потому что эти люди связаны в нашем сознании с Богом. По сути, почтение вырастает из любви, мы не можем относиться с почтением к тому, кого не любим.

Затем *прити* — радость общения с Богом. Сколько удовольствия извлекает человек из чувственных восприятий! Человек пойдет на край света, будет жизнью рисковать ради того, что любит, к чему испытывает чувственное влечение. От *бхакты* же требуется, чтобы эту страстную любовь он обратил к Богу, и тогда он испытает сладчайшую боль, *вираху* — страдание от разлуки с Возлюбленным. Человек, страдающий от того, что не может достичь Бога, от того, что не познал он то единственное, что заслуживает познания, мучающийся острой неудовлетворенностью, почти сводящей его с ума, этот человек терзается *вирахой*. Все, что не есть его возлюбленный Бог, причиняет ему боль, и состояние его ума называется *экаративичикитса*. Каждый, кто влюблялся, знает, как часто наступают периоды *вирахи* в начале любви. Мужчина, страстно влюбленный в женщину, как и влюбленная женщина, знают, что такое естественное раздражение от присутствия тех, кто им безразличен. Именно такое нетерпение по отношению к вещам, безразличным для них, испытывают те, чей ум заполнен высшей любовью, *пара-бхакти*, им даже говорить неприятно ни о чем, кроме Бога. «Думай о Нем, об одном только Нем и откажись от пустых слов»⁷⁵. *Бхакте* приятно общество тех, кто говорит только о Боге, всех других он предпочел бы избегать.

Свидетельством еще более высокого состояния любви можно считать ощущение, что жить стоит только во имя Бога, когда жизнь кажется прекрасной и осмысленной только потому, что существует идеал Любви. Без этого не стоило бы жить ни одну минуту. Жизнь сладка, потому что состоит из размышлений о Возлюбленном.

Когда же человек достигает совершенства, достигает Бога, как бы касается Его ног, тогда в соответствии с учением о *бхакти* он становится принадлежащим Богу — *тадията*. Сама натура его освобождается от скверны и претерпевает перемену. Достигнута цель жизни. Однако многие *бхакты* и после этого продолжают жить исключительно ради того, чтобы поклоняться Ему. Это — единственная радость жизни, от которой они не отказываются.

«О царь, так благословенны свойства Хари, что даже те, кому нечего больше желать, в чьих сердцах разрублены все узлы, даже они продолжают жить, исполненные любви к Богу во имя самой любви»⁷⁶ — любви к Богу, «перед которым склоняются все боги, все устремленные к освобождению и все, познавшие *Брахмана*».

Такова сила любви.

Когда человек полностью забыл себя, когда он чувствует, что ему больше ничто не принадлежит, тогда он становится *тадията*, и все сущее для него священо, ибо принадлежит Возлюбленному. Это относится и к земной любви, влюбленный *бхакта* считает все, принадлежащее Возлюбленному, священным и дорогим для себя. Он готов любить даже предмет одежды любимого существа. Вселенная — предмет его любви, ибо она принадлежит Ему.

---

⁷⁵ Частично соотносится со многими текстами веданты.

⁷⁶ Пересказ Бхагавата пураны, I, 7, 10; тот же текст известен и по многим другим источникам бхакти.

ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ ВЕДЕТ К САМООТРЕЧЕНИЮ

Как можно любить частное, *вьяйти*, не полюбив сначала общее, *самайти*? Бог есть *самайти*, обобщенное и абстрактное универсальное целое, наблюдаемая же нами вселенная состоит из *вьяйти*, частных. Любить всю вселенную можно только через любовь к *самайти*, к универсальному, или, иными словами, к тому единству, которое содержит в себе мириады более мелких единств. Индийские философы на частном не останавливаются, но, бросив взгляд на частности, спешат найти обобщенные формы, общее. Вся индийская философия и религия устремлены к одному — к отысканию универсального. Идущий путем *джняны* ищет целостность в том абсолютном и обобщенном Существо, познав которое он познает все. *Бхакта* желает ощутить ту обобщенную, абстрактную Личность, любовь к которой будет любовью ко всей вселенной. *Йог* стремится овладеть той обобщенной формой энергии, которая дает ему власть над всей вселенной. На протяжении всей своей истории индийская мысль была обращена на поиск универсального во всем — в науке, в психологии, в любви, в философии. Поэтому *бхакта* делает вывод, что, обращая свою любовь поочередно к различным объектам, он может делать это до бесконечности, так и не научась любить мир в целом. И лишь когда сформулирована главная идея — Бог есть сумма всей любви, а сумма устремлений всех душ во вселенной, не важно, свободны они, скованы или влекутся к освобождению, опять-таки есть Бог, только тогда открывается возможность универсальной любви. Бог есть *самайти*, а видимая вселенная есть Бог — дифференцированный и проявляющийся в различных формах. Любя сумму, мы любим все ее слагаемые. Так любить мир и творить в нем добро — легко, чтобы научиться этому, надо только сначала возлюбить Бога, потому что без этого делать добрые дела совсем не шутка.

Бхакта говорит: «Все принадлежит Ему, а Он мой Возлюбленный, я люблю Его»⁷⁷.

Поскольку все принадлежит Возлюбленному, то для *бхакты* все свято. Все сущее есть Его дитя, Его тело, Его проявления. Как можно тогда причинить боль кому бы то ни было? И как можно кого-то не любить? Любовь к Богу непременно означает и любовь ко всему, что есть во вселенной. И чем мы ближе к Богу, тем нам яснее, что в Нем все сущее. Душа, испытавшая блаженство наивысшей любви, теперь во всем видит своего Возлюбленного. Если же мы поднимаемся еще выше в любви, мы вообще перестаем замечать мелкие различия — для нас человек уже не человек, а Бог, и животное не животное, а Бог, даже в тигре мы больше не видим тигра, но видим проявление Бога.

Поэтому страстно влюбленный *бхакта* поклоняется всему, каждому проявлению жизни, каждому живому существу.

«Зная, что Хари — во всем, мудрый должен проявлять истинную любовь ко всякому живому существу».

Страстная всепоглощающая любовь *бхакты* заставляет его полностью отречься от себя, он убежден, что ничто происходящее не направлено против него — *апатикулья*. Приветствую тебе, страдание, может сказать он, терзаемый болью. Приветствую тебя, страдание, может сказать он, терзаемый болью. Приветствую тебя, ибо и ты послано Возлюбленным. Приветствую тебя, змея, может сказать он змее, смертельно жалящей его. Улыбкой приветствует он и смерть.

«Благословен я, раз все это приходит ко мне, и все я готов приветствовать».

Бхакта в состоянии совершенного самоотречения — плода его любви к Богу и всему Им сотворенному — перестает отличать наслаждение от страдания. Он не жалуется ни на страдание, *ни* на боль, настолько Отдал он себя воле Бога, который есть одна любовь; и в его самоотречении больше достоинства, чем во всех героических деяниях.

Для огромного большинства людей тело — это все, тело — это их вселенная, а телесные радости — единственный смысл бытия. Демон почитания собственного тела и всего, что с ним связано, поселился в каждом из нас. При всех наших возвышенных словах мы ничем не лучше стервятников, вечно подкарауливающих падаль внизу. Почему мы спасаем свое тело, скажем, от тигра? Почему бы не отдать его тигру? Тот будет доволен, так что с нашей стороны это можно считать жертвоприношением. Способны вы достичь состояния, при котором начисто исчезает самоощущение? Это головокружительная высота, верхняя точка религии любви, которой удалось достичь очень немногим. Но пока человек не достиг этого пика, не привел себя в состояние постоянной готовности радостно жертвовать собой, он не становится совершенным *бхактой*. Каждый может содержать свое тело в более или менее удовлетворительном состоянии в течение большего или меньшего промежутка времени. Все равно в наших телах нет ничего постоянного, они обречены. Благословенны те, чьи тела умирают ради служения другим.

«Мудрый постоянно готов отдать свое достояние и самую жизнь служению другим. В мире, где уверенность существует только в смерти, гораздо лучше умереть во имя доброго дела, чем ради дурного».

Мы можем прожить лет до пятидесяти, ну до ста, а что потом? Все, что составлено из частей, обречено вновь

⁷⁷ Пересказ текстов позднего бхакти.

распасться на части и умереть. Умерли и Иисус, и Будда, и Мухаммед, умерли все великие пророки и вероучители мира.

Бхакта говорит: «В этом бренном мире, где все подвержено распаду, следует наилучшим образом использовать время, данное нам»⁷⁸.

Наивысшее использование жизни — служение всему живому. Отвратительная сосредоточенность на собственном теле есть источник мирового эгоизма. Это заблуждение, будто человек и есть его тело, а потому он должен всячески холить и услаждать его, — в этом причина зла.

Если вам доподлинно известно, что ваше тело — это еще далеко не вы, то вам не с кем и не за что сражаться, вы свободны ото всех эгоистических мыслей. *Бхакта* утверждает, что надо вести себя так, будто ничто мирское просто не существует, и это есть самоотречение. Пусть будет что будет, вот в чем смысл слов «да свершится воля Твоя»⁷⁹, не суетиться, утешая себя мыслью о том, будто наши слабости и амбиции освящены волей Бога. Может, конечно, быть и так, что наша мирская суета дает хорошие плоды, но связь тут видна только Богу. Истинный *бхакта* не считает возможным ни желать чего-то, ни стараться ради себя.

«Господи, высокие храмы возведены во имя Твое, богатые дары приносятся во имя Твое, я же беден, и ничего у меня нет, поэтому я приношу мое бренное тело к ногам Твоим — не покидай меня, о Господи!»⁸⁰

Такая молитва рвется из глубины сердца того, кто следует путем *бхакти*. Испытавшему высшую любовь вечное самопожертвование Возлюбленному намного дороже, чем богатство и власть, даже чем вершины славы и наслаждения. Спокойное самоотречение *бхакты* дарует его душе мир, недоступный пониманию других, ценность которого ни с чем не сопоставима. Его *апатиккуля* — это состояние ума, при котором нет влечений и, естественно, не может быть и мысли, будто существует противодействие им. В состоянии высшей самоотреченности исчезают все привязанности, остается только всепоглощающая любовь к Богу, к Тому, в ком все живет. Но эта высшая привязанность не сковывает душу, а наилучшим образом освобождает ее из оков.

⁷⁸ Автор — бенгальский поэт Шри Рампрадас (XVIII в.), известный приверженец бхакти.

⁷⁹ См.: Евангелие от Матфея, 6, 10.

⁸⁰ По Библии этот текст нам неизвестен. Мироощущение говорящего соотносимо с мироощущением членов нищенствующих орденов европейского средневековья.

ВЫСШЕЕ ЗНАНИЕ И ВЫСШАЯ ЛЮБОВЬ ЕДИНЫ ДЛЯ ПОДЛИННО ЛЮБЯЩЕГО

В Упанишадах проводится разграничение между высшим и низшим знанием, однако для *бхакти*, по сути, различия между высшим знанием и высшей любовью не существует, речь идет о *пара-бхакти*.

В Мундака упанишаде сказано: «Познавшие *Брахмана* утверждают, что есть два типа знания, которые заслуживают внимания: высшее знание — *пара* и знание низшее — *апара*. Низшее состоит из знания «Ригведы», «Яджурведы», «Самаведы» и «Атхарваведы», науки о правильном произношении — *шикши*, науки о литургии — *кальпа*, грамматики, науки об этимологии слов — *нирукта*, просодии, астрономии. Высшее же знание есть знание Неизменного»⁸¹.

Из этого с очевидностью явствует, что под высшим знанием понимается знание *Брахмана*, а в «Девы-бхагавате» дается следующее описание высшей любви — *пара-бхакти*: «Как масло, переливаемое из сосуда в сосуд, льется непрерывной струей, так ум, достигший определенного состояния, постоянно сосредоточен на Боге, — вот это состояние и есть *пара-бхакти*, или наивысшая любовь»⁸².

Действительно, ничем не нарушаемая, ровная устремленность ума и сердца к Богу есть наивысшее проявление человеческой любви к Нему. Все другие формы *бхакти* являются только приближением, подготовкой к наивысшему состоянию, к *пара-бхакти*, которую еще называют *рагануга*, то есть такой любовью, которая приходит уже после привязанности. Человек, чье сердце наполнила такая любовь, будет непрестанно думать только о Боге, не помня ни о чем ином. В его помыслах не останется места ничему, кроме Бога, душа его будет неколебимо чиста, она сама сбросит все оковы мыслей и материи и достигнет покоя и свободы. Только такой человек может чтить Бога в сердце своем, он не нуждается в обрядах, символах, книгах и теориях, они ему больше никогда не пригодятся. Но любить Бога таким образом совсем нелегко. Мы знаем, что обыкновенная человеческая любовь расцветает, когда она взаимна; где нет ответа на любовь, там, естественно, наступает охлаждение. Бывают, конечно, и случаи, когда не умирает и безответная любовь, ее можно сравнить, для примера, с любовью мотылька к огню — мотылек любит огонь и в нем сгорает. Такая любовь в природе мотылька. Без сомнения, любить потому, что такова уж природа любви, есть самое высокое и наименее себялюбивое проявление любви, какое только бывает в мире. Такого рода любовь, проявляющаяся в духовном плане, обязательно приводит к состоянию *пара-бхакти*.

---

⁸¹ Пересказ Мундака-упанишады, I, 1, 4—5.

⁸² Образ «переливаемого густого масла» часто используется в философских сочинениях разных авторов (Патанджали, Шанкары, Рамануджи). «Девы бхагавата» пурана не входит в число канонических.

ТРЕУГОЛЬНИК ЛЮБВИ

Любовь можно представить себе в виде треугольника, каждый из углов которого соответствует одной из ее неизменных черт. Без трех углов нет треугольника, нет истинной любви без наличия всех трех ее неизменных черт. Первый угол любовного треугольника: любовь не ждет вознаграждения. Если возникает мысль о чем-то в ответ на любовь — это уже не истинная любовь, а нечто вроде товарной сделки. Любовь к Богу и преданность Ему в ожидании Божьих милостей — это не любовь, которая должна естественно прорасти в сердце. Кто поклоняется Богу, желая получить Его милость, конечно же, перестанет почитать Его, если никаких милостей не будет. *Бхакта* любит Бога, потому что Его хочется любить, подлинный *бхакта* не знает никакого иного побуждения.

Рассказывают историю о том, как однажды великий царь отправился в лес и повстречался там с мудрецом. Царь побеседовал с ним и пришел в восторг от его чистоты и мудрости. Царь пожелал, чтобы мудрец оказал ему любезность, приняв царский дар. Но мудрец отказался со словами: «Лесные плоды дают мне достаточно пищи, чистые реки, сбегаящие с гор, дают мне достаточно воды, древесная кора — моя одежда, а горные пещеры — мой дом. К чему мне дары царя или кого иного?»

Царь настаивал: «Окажи мне милость, премудрый, и прими дар из рук моих. Еще я молю тебя отправиться со мною в город, в мой дворец!»

После долгих уговоров мудрец согласился исполнить волю царя и отправиться с ним во дворец. Там царь склонился перед мудрецом и преподнес ему щедрые дары с молитвой: «Пусть Бог дарует мне еще детей, и еще богатства, и еще земель, и пусть дарует Он мне крепкое здоровье...» Не дослушав молитву, мудрец тихонько встал на ноги и зашагал прочь. Смущенный царь бросился за ним:

«Премудрый, но ты уходишь, не взяв моих даров!»

Мудрец оглянулся: «Я не принимаю подавание от нищих. Ты нищий, как ты можешь предлагать мне дары? Разве можно брать у того, кто сам так нуждается? Я ухожу, не следуй за мной».

В этом и заключается разница между побирушкой и тем, кто любит Бога. Язык любви не знает просьб о милостыне. Одинаково низменно любить Бога ради спасения души и ради земных милостей. Любят ради любви. *Бхакта* любит потому, что не может не любить. Когда вы видите прекрасный пейзаж и просто влюбляетесь в него, вы ничего не кланяетесь у пейзажа, и пейзаж ничего с вас не берет. Но вид красоты дарует блаженство уму, покой душе, преображает вас, будто возвышая на миг над вашей бренной природой, и вы испытываете почти божественный экстаз.

Первый угол нашего треугольника и есть эта природа истинной любви. Ничего не просите в обмен на любовь, будьте всегда дарителем сами, отдайте Богу свою любовь, но не ждите от Него ничего взамен.

Второй угол треугольника: любовь не знает страха. Только самые низкие люди, чьи души совсем неразвиты, любят Бога из страха перед Ним. Они почитают Бога, боясь Его кары. Бог в их глазах огромное Существо, которое в одной руке держит кнут, а в другой — скипетр, они боятся, что, если не подчинятся Богу, Он их отстегает. Это низко — поклоняться Богу из страха перед наказанием. Если это вообще позволительно считать поклонением, то поклонение такое — самого низшего разбора. Как может жить любовь в сердце, в котором живет страх? Любовь, естественно, преодолевает все страхи. Вспомните, как ведет себя на улице молодая мать, когда на нее лает собака, она в страхе бросается в первую же подворотню. Но если на другой день она выходит на улицу с ребенком и на ребенка нападает лев — что она делает? Конечно, бросается на льва, защищая свое дитя. Любовь сильнее любого страха. Страх рождается из себялюбивого представления, будто каждый из нас обособлен от вселенной. Чем крохотней и чем эгоистичней я становлюсь, тем сильнее мои страхи. Если человек думает о себе как о слабом и ничтожном существе, его неизбежно охватывает страх, а чем меньше вы думаете о собственной незначительности, тем меньше вы боитесь. Но не может человек по-настоящему любить, пока в его душе тлеет хоть искорка страха. Любовь и страх несовместимы, кто любит Бога, не должен никогда Его бояться. Кто истинно любит Бога, тому смешно предписание — не упоминай всуе имя Господа твоего! Разве плохо упоминать имя Бога, разве может быть кощунство в религии любви? Чем чаще вы упоминаете имя Бога, тем лучше для вас же, как бы вы это ни делали — вы же повторяете Его имя, потому что любите Его!

Третий угол любовного треугольника: любовь не знает соперничества, ибо возлюбленный всегда воплощает в себе высочайший идеал того, кто любит. Не приходит истинная любовь до тех пор, пока предмет нашей любви не становится для нас нашим высочайшим идеалом. Человек часто обращает свою любовь не по назначению, любит недостойного, но тот, кто любит, всегда видит в предмете своей любви свой высочайший идеал. Один может видеть идеал в порочнейшем из существ, другой — в возвышеннейшем из существ, но в любом случае искренне и страстно любить можно только идеал. Бог есть наивысший из идеалов — для невежды и для мудреца, для святого и для грешника, для мужчины и для женщины, для человека образованного и необразованного, культурного или нет — для всех. Синтез всего, что есть красота, возвышенность, сила, составляет наше представление о Боге, полном любви и вызывающем любовь к себе.

Идеал должен обрести какую-то форму в нашем уме. Все активные проявления человеческой природы и есть борения за воплощение идеалов в практических делах. Различные общественные движения тоже есть идеалы, требующие своего конкретного осуществления — рвется наружу то, что находится внутри. Вечно доминирующее воздействие идеала и является той побудительной силой, которую мы постоянно наблюдаем в действиях человечества. Человеку могут потребоваться тысячи жизней и борения на протяжении многих тысяч лет, прежде чем он поймет, что тщетны попытки добиться полного соответствия между внутренним идеалом и внешними обстоятельствами... Осознав это, человек перестает переносить на внешний мир свой внутренний идеал, что чтит его как идеал, чтит наивысшим возможным образом — любовью. Совершенный идеал включает в себя все идеалы низшего порядка. Всякий согласится, что влюбленный видит лик Елены в эфиопке. Постороннему наблюдателю ясно, что это не так, но влюбленный все равно будет видеть прекрасную Елену. Елена ли это или эфиопка, но предметы нашей любви всегда отражают в себе наши идеалы. Что обыкновенно почитает мир? Не обязательно совершенный идеал истинного влюбленного. Люди чтят тот идеал, который живет в них, каждый переносит в мир собственный идеал и склоняется перед ним. Вот почему мы видим, что жестокие и кровожадные представляют себе и Бога кровожадным, они могут любить только собственный высочайший идеал. Вот почему Бог добрых так прекрасен и так отличен от богов других людей.

БОГ ЛЮБВИ САМ ДОКАЗЫВАЕТ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Как можно представить себе идеального *бхакту*, который оставил далеко позади себялюбие, жажду вознаграждения и который не знает страха? Это человек, способный сказать самому Богу: «Я целиком предаюсь Тебе и ничего от Тебя не хочу. Поистине, нет ничего, что я назвал бы моим».

Идеал человека, пришедшего к этому убеждению, — это совершенная любовь и совершенное бесстрашие любви. Его идеал свободен от ограничивающих частных и деталей, это универсальная любовь, любовь без уз и границ, любовь в чистом виде, абсолютная любовь. Он поклоняется великому идеалу религии любви, он любит абсолютно, не нуждаясь в символах для выражения своего чувства. Это — высочайшая форма *пара-бхакти*: поклонение всеобъемлющему идеалу как самоценный акт. Все иные формы *бхакти* есть лишь промежуточные фазы на пути к достижению этой.

Все наши срывы и все наши обретения на пути религии любви есть выражения нашего стремления к этому идеалу, к его реализации. Любовь обращается на один объект за другим, на каждый переносится внутренний идеал, но постепенно выясняется несоответствие внешних объектов постоянно растущему внутреннему идеалу, и они отвергаются, один за другим. Наконец, *бхакта* начинает осознавать тщетность реализации идеала через внешние объекты, ибо все они несопоставимы с внутренним идеалом. С течением времени *бхакта* обретает силу для реализации высочайшего и самого абстрактного идеала в виде абстракции, однако для него эта абстракция жива и реальна. Достигнув этой точки, *бхакта* больше не нуждается в доказательствах существования Бога, его не интересует, всемогущ ли Бог или нет. Для него Он есть только Бог любви, высочайший идеал любви, а все остальное его не тревожит. Бог, как любовь, самоочевиден. Влюбленный не нуждается в доказательствах существования Возлюбленного. Боги-судьи других религий нуждаются в убедительных доказательствах того, что они есть, однако *бхакта* не задумывается о таких богах и представить себе их не может. Для него Бог существует только как Любовь.

Иные полагают, что своекорыстие является единственным побудительным мотивом всей человеческой деятельности. Имеется в виду все та же любовь, но низведенная до уровня частных. Если я полагаю, что понял смысл Универсального, то своекорыстных помыслов во мне не остается, но если я ошибочно считаю себя хоть маленькой, но персоной, моя любовь обращается от общего к частному, что ограничивает ее. Неверно ограничивать сферу любви. Все сущее — божественного происхождения и потому заслуживает любви, только надо помнить, что любовь к общему включает в себя любовь к частностям. Для *бхакты* целое — его Бог, а все иные боги, отцы на небесах, владыки или творцы, равно как и все теории, доктрины и священные писания в его глазах не имеют ни ценности, ни смысла: его любовь и преданность возвысились надо всем. Когда сердце исполнилось чистоты и до краев затоплено божественным нектаром любви, все прочие представления о Боге кажутся попросту инфантильными и отвергаются, как таковые. Вот что значит сила *пара-бхакти*, наивысшей любви: совершенный *бхакта* больше не ищет Бога ни в храме, ни в церкви, ибо не знает он места, где нет Бога. Для него Бог и в храме, и вне храма, он видит Бога и в святости святого, и в злобности злодея — Бог в своем величии уже поселился в сердце *бхакты* и все озаряет негасимым светом беспредельной любви.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ ЛЮБВИ

Человеческий язык не в силах выразить природу возвышенного и абсолютного идеала любви. Как бы высоко ни воспарило человеческое воображение, человек не способен представить себе этот идеал в его беспредельном совершенстве и красоте. И все же последователи религии любви, как в ее высокой, так и в низших формах, во всех странах и во все времена вынуждены использовать ограниченные средства человеческого языка, чтобы обрисовать свой идеал любви. Невыразимую божественную любовь приходится выражать через понятия различных форм любви человеческой. Человеку дано лишь по-человечески воспринимать божественное, мы можем выразить наше восприятие Абсолюта только в относительных терминах нашего языка, поэтому для нас вселенная есть перевод Бесконечного на язык конечного. *Бхакте* тоже приходится использовать слова, призванные выражать обыкновенную любовь для описания своей любви к Богу.

Некоторые из великих мудрецов, писавших о *пара-бхакти*, сами прибегали к различным способам, стремясь понять и испытать божественную любовь. Простейший из этих способов они называют *шанта* — покой. Когда человек поклоняется Богу без пылания любви в сердце, без любовного безумия, когда его любовь обыденна и спокойна, она возвышается над формальными и символическими проявлениями, но не поглощает его целиком, то это *шанта*. Бывают люди медлительные, бывают стремительные; *шанта-бхакти* — любовь нежных, тихих, неторопливых.

Но выше другой тип любви, *дасья* — служение, когда человек видит в себе слугу Бога и его идеал — это преданность верного слуги своему повелителю.

Еще один тип любви *сакхья* — дружба, «Ты наш возлюбленный друг». Как открывает человек свое сердце другу, веря, что друг не станет бранить его за недостатки, но постарается ему помочь, как настоящая дружба всегда основывается на равенстве, так же равноправны и любовные отношения между *бхактой* и его другом, Богом.

Бог становится нашим другом, другом, который всегда рядом, другом, которому все можно рассказать. Мы можем раскрыть ему сокровеннейшие тайны наших сердец в полной уверенности, что Он нас поймет и поддержит. Он — друг, и *бхакта* с Ним на равных, как с другом детства, другом детских игр. Ведь можно же сказать, что мы все играем в этом мире, Маленькие дети — в свои игры, великие правители и воители — в свои, и даже сам Бог играет со вселенной⁸³. Он совершенен, Он ничего не желает. Зачем же Ему понадобилось творить мир? Человек все делает ради удовлетворения своих потребностей, а наличие потребностей предполагает несовершенство. Бог — совершенство и потребностей не имеет. Почему же Он вечно активен и постоянно занят творением? Какова здесь цель? Истории, которые мы выдумываем о том, что Бог сотворил мир ради того или иного, хороши только как занимательные сказки, не более. На самом деле, это Его игра, Он вечно играет и вечно творит, и вся вселенная должна быть для Него игрушкой. Если ты беден — играй в бедность, богат — играй в богатство, с опасностью тоже можно играть, а со счастьем — так и подавно. Весь мир — площадка для наших игр, мы рождаемся, чтобы забавляться на ней, и Бог участвует в наших играх. Он вечный наш товарищ детских игр. И как прекрасны Его забавы! С завершением каждого цикла завершается и одна из Его игр. На некоторое время наступает передышка, затем все снова появляется и затевается новая игра. Беды и несчастья приходят лишь тогда, когда мы забываем, что все это — игра, в которой участвуем и мы с вами. Забыв об этом, мы ощущаем тяжесть в сердце, и мир давит на нас своим невероятным весом. Но стоит отбросить серьезность, вспомнить о краткости и изменчивости жизни, которая есть просто сцена, на которой мы играем, участвуя в божественной игре, и тяжесть исчезает без следа. Бог играет в каждом деле, Он играет, сотворяя земли, солнца, луны, Он играет с человеческими сердцами, с животными, с растениями. Мы с вами — фигуры на Его шахматной доске, Он нами двигает и сбрасывает нас с доски. Он расставляет нас то так, то этак, а мы — сознаем ли мы это или нет — участвуем в Его игре. Какое же это блаженство — быть Господним партнером!

Но можно любить Бога и по-иному: не как нашего Отца, но как Дитя,— этот тип любви известен как *ватсалья*. Возможно, мысль об этом покажется странной, но дело тут в том, чтобы освободить концепцию Бога от всякого представления об авторитарности. Авторитарность вызывает благоговейный страх, но любовь и страх несовместимы. Почитание и послушание необходимы при формировании характера, но когда характер сформирован и когда *бхакта* уже испытал и тихую, ровную любовь, и любовное безумие, он больше не нуждается в дисциплинирующей этике. *Бхакта* скажет, что ему безразличен могущественный, величественный, всеславный Бог, Владыка вселенной, Бог богов. Он поклоняется Богу-дитяти, чтобы отделить Бога от устрашающего представления о Его силе. Отец с матерью не испытывают благоговейного страха перед своим ребенком, они не относятся к дитяти с почтением. Им в

⁸³ Имеется в виду игра («лила») Бога. В Брахма сутрах Бадараяны лила определяется как игра, в которой нет цели: так владыка мощного государства может забавляться с куклами; так принцесса иногда хочет занять себя каким-нибудь делом, хотя никакой необходимости в этом нет; так ребенок строит и разрушает замки, не горюя о том, что сначала он строит, а потом разрушает «([Творческая активность Брахмана] есть всего лишь спорт, как мы видим по [нашей] жизни» (Брахма сутра Бадараяны, II, 1, 33). Так же комментировали эту сутру и ведантисты: как человек вдыхает и выдыхает без какой-либо цели, поскольку дыхание в его природе, так и Бог от полноты существования создает и разрушает мир.

голову не придет просить его о милостях. Напротив, ребенок всегда получает что-то от родителей, и из любви к ребенку родители готовы сто раз пожертвовать собой. Если бы у них были тысячи жизней, они их все с радостью отдали бы за дитя, поэтому и Бога любят как собственного ребенка. Идея Бога-дитяти возникает и естественно развивается в тех религиозных сектах, которые исповедуют веру в воплощение, в телесное воплощение Бога. Мусульманин не в силах представить себе Бога-дитя, он с ужасом отвергнет саму мысль об этом. Но христиане и индусы воспринимают ее с легкостью, потому что для одних существует младенец Иисус, для других — дитя Кришна. Индийские женщины часто отождествляют себя с матерью Кришны, христианки тоже могут принять мысль о том, что они и есть богородицы, что дало бы Западу столь необходимую для него концепцию божественности материнства. Суеверные страхи, связанные с Богом, очень глубоко укоренились в наших сердцах, и требуются годы, чтобы утопить в любви эти представления о Боге, которые внушают нам благоговение, почтение и приниженность.

Существует еще одно человеческое представление об идеале божественной любви. Оно называется *мадхура* — нежность и является наивысшим из представлений такого рода, поскольку в его основе — высшее проявление земной любви, сильнейшее из всего, что известно человеку. Какая любовь полностью преображает человека, наполняя собой каждый атом его существа, лишая его ума, заставляя обо всем забыть, превращая его в Бога или в дьявола, какая любовь способна на это, кроме любви мужчины и женщины? В этом нежном представлении о божественной любви Бог является нашим супругом. Все мы — женщины, мужчин на свете нет, кроме одного — и это Он, наш божественный Возлюбленный. Вся любовь, которую мужчина отдает женщине, а женщина мужчине, отдается одному Богу!

Все различные проявления любви, известные нам в этом мире, в которые мы в общем-то только играем, по сути, обращены лишь к Богу; но, к сожалению, человеку неведом безбрежный океан любви, к которому постоянно стремится могучий любовный поток, поэтому он в невежестве своем старается сделать объектами любви людей, крохотных куколок. Огромной силы любовь к ребенку, естественно присущая человеку, предназначена не маленькому человечку, и, если бездумно и слепо излить ее только на ребенка, то родители неизбежно пострадают от этого. Правда, это страдание поможет вам осознать, что если любовь, наполняющая вас, отдается только человеку, то она не может не стать в результате причиной боли и мук. Наша любовь должна быть обращена к Тому, кто никогда не умирает и никогда не изменяется, чей океан любви не знает ни приливов, ни отливов. Любовь должна быть обращена к тому, для чего она и предназначена, а предназначена она влиться в океан любви, имя которому есть Бог. Все реки текут в моря. Даже капелька, сбегаящая по горному склону, не остановит свое движение после того, как соединится с ручьем или рекой, в конечном счете, каждая капелька должна влиться в океан. Бог — единственная цель всех наших страстей и чувств. Если вы сердиты, сердитесь на Него, дуйтесь на своего Возлюбленного, на своего Друга. А на кого еще вы можете безнаказанно дуться? Смертный не станет безропотно терпеть ваши капризы, рано или поздно, но он вам ответит тем же. Если вы злитесь на меня, я разозлюсь на вас, ибо я не умею терпеливо выносить вашу злость. Возлюбленному же можно сказать: почему Ты оставил меня, почему я должен страдать в одиночестве?

Чему можно радоваться, если не Ему? Какую радость могут дать комочки праха? Пусть все наши страсти и все чувства будут обращены к Нему. Они и предназначены Ему, ибо если не достигают они назначенной им высоты и обращаются к тому, что ниже, это делает их порочными. Обращаясь же к Богу, самые низменные чувства преображаются, становясь возвышенными. В чем бы ни выражала себя энергия человеческого тела и ума, единственная точка их устремлений все равно есть Бог. К Нему должны быть обращены все страсти человеческого сердца, ибо Он — единственный Возлюбленный. Он прекраснее и возвышеннее всего, Он — и есть красота, Он и есть высокое величие. Кто во вселенной прекраснее Его? Кто во вселенной может быть лучшим супругом, чем Он? Кто во вселенной заслуживает любви больше, чем Он? Так пусть будет Он Возлюбленным, пусть будет Он супругом.

Но часто влюбленные в Бога воспевают божественную любовь языком любви человеческой во всех ее аспектах и считают, что этот язык может выразить их чувства. Глупцы не понимают этого и никогда не поймут, ибо видят мир только физическим зрением. Им непонятно безумие духовной любви. Откуда? «За один поцелуй Твоих губ, о Возлюбленный! Кого Ты поцеловал, навеки опаляем страстью к Тебе, и нет у него иных печалей, и ни о чем он не помнит, кроме Тебя!»⁸⁴

Но подлинный *бхакта* не останавливается и на этом: даже супружеская любовь не удовлетворяет его страсть, его влечет идея незаконной любви, не в силу ее незаконности, а потому, что в ней еще больше страсти: это ведь любовь, которую препятствия только распалаяют. *Бхакта* отождествляет себя с девушкой, сгорающей от любви, предмет которой неприемлем для ее родителей, но чем больше препятствий встречается на ее пути, тем жарче пылает любовь. Человеческий язык не в силах передать, как пылко был любим Кришна в рощах Вринды, как летели к Нему вечно-благословенные пастушки, услышав Его голос, рвались к Нему, забывая обо всем, о мире и его условностях, о чувстве долга, об иных радостях и скорбях. Человек, о человек, — ты говоришь о божественной любви, не забывая при этом о суетном, так искривлен ли ты?

«Там, где Рама, там нет места желаниям; где есть место желаниям, там нет Рамы, как свет и мрак, они никогда не вместе».

⁸⁴ Здесь и далее пересказ Бхагавата пураны (гл. XXI, XXIX, XXX, XXXIV) и других сочинений позднего бхакти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда достигнут высочайший идеал любви, философия больше не нужна. Зачем она? Освобождение, спасение, *нирвана* — ничего не нужно. Кто же захочет освободиться от счастья божественной любви?

«Господи, я не хочу богатства, не хочу друзей, не хочу красоты, не хочу учености, не хочу даже свободы — дай мне рождаться снова и снова и будь вечно моей любовью. Будь моей любовью во веки веков!»

Бхакта вопрошает: «Кому нужно стать сахаром? Я не хочу быть сахаром, ибо хочу чувствовать сладость»⁸⁵.

Кто же захочет освободиться и стать единым с Богом?

«Я могу познать, что Он и я едины, но я отдаляюсь от Него, чтобы наслаждаться общением с Возлюбленным!»

Так говорит *бхакта*. Любовь ради самой любви — вот в чем его высшая радость. Кто не согласится на тысячекратное рабство ради общения с Возлюбленным? *Бхакту* не волнует ничто, кроме любви, он живет, чтобы любить и быть любимым. Его неземная любовь подобна приливной волне, поднимающейся вверх по реке, *бхакта* идет против течения. Мир зовет его безумцем. Я знаю одного такого человека, который, когда его называли безумцем, отвечал:

«Друзья мои, но ведь безумен мир. Кто утрачивает ум ради земной любви, кто — в погоне за славой, кто — в погоне за деньгами, кто — ради того, чтобы спасти свою душу и после смерти попасть на небеса. И я безумен в этом сумасшедшем доме. Я сошел с ума из любви к Богу. Вы рветесь к деньгам, а я — к Богу. И вы безумны, и я безумен, но мне кажется, что мое безумство лучше»⁸⁶.

Любовь истинного *бхакты* безумна, все остальное меркнет перед ней, все другое перестает для него существовать. В его глазах вселенная полна любви и только любви. Человек, в такой степени переполненный любовью, вечно блажен и вечно счастлив. Блаженное безумие божественной любви одно только и может исцелять пороки нашего мира. Нет для *бхакты* желаний, значит, нет в нем и себялюбия. Он приблизился к Богу и отбросил все суетное, что раньше наполняло его.

Мы все должны вступать в религию любви, как дуалисты. Бог для нас — Существо особое, и мы чувствуем свою отделенность от Него. Но по мере того, как нас заполняет любовь, мы начинаем приближаться к Богу. Бог становится ближе к нам. Человек переносит на свой идеал любви, на Бога, те формы изъяснения любви, которые ему привычны в жизни: любовь материнскую, отцовскую, сыновнюю, дружескую, преданность повелителю, влюбленность. Для *бхакты* Бог существует в каждом из проявлений любви, мы все начинаем с любви к самим себе, и наше себялюбие делает себялюбивой даже нашу любовь к другим. Но наконец мы видим яркий свет и осознаем, что наше крохотное «я» соединилось с Бесконечным. Человек преобразился перед этим Сиянием любви и осознал прекрасную и вдохновляющую истину: любовь, влюбленный и Возлюбленный — едины.

⁸⁵ Здесь излагается различие в осмыслении «освобождения» двумя направлениями веданты. «Стать сахаром» сопоставимо с адвайтистским пониманием единения с Наивысшим: согласно адвайте Шанкары, при осознании единства души с Брахманом, исчезает множественность мира предметов и явлений, происходит своего рода «исчезновение индивидуума». В учении вишишта-адвайты Рамануджи иное понимание единения человека с Богом: сознание «Я» здесь сохранено, человек находится вблизи Бога, он «отогревается», подобно тому, как отогревается замерзший человек, подошедший к жарко горящему костру. Он вкушает блаженство общения с Богом, он уподобляется Богу, но не сливается с ним: так раскаленный металлический стержень горяч только потому, что его держат в огне. Давно уже высказывалось мнение, что взгляды Шанкары были слишком «резкими» для широких масс, тогда как учение Рамануджи обладало большей притягательностью. Брахман Шанкары, говорил, например, С. Радхакришнан, слишком абстрактен, холоден и далек, тогда как Ишвара Рамакришны более доступен и человечен. Вивекананда приводит здесь высказывание Шри Рампрасада, часто повторяемое Рамакришной, не называя его имени: «Кому нужно стать сахаром? Я не хочу быть сахаром, ибо хочу чувствовать сладость сахара» (Мюллер М. Шри Рамакришна Параматама. Его жизнь и учение. М., 1913, с. 69).

⁸⁶ Это высказывание традиция приписывает добродетельной индусской женщине по имени Бхайрави, обучавшей Рамакришну.